

вующим, единым и вечным разумом. И такая законченно платоническая трансформация аристотелевской мысли сочетается со строго натуралистическим отношением к чувственно-разумной деятельности индивидов.

В схоластических дефинициях и уточнениях терялось то, что ставляло живую суть и смысл аристотелевского труда, — единство жизненного процесса в его проявлениях и осмыслении. Отсюда чувственная и мыслительная деятельность составляет определенное единство, эти ее этапы постоянно сравниваются: «Не существует никаких отдельных предметов помимо чувственно воспринимаемых (величин), и предметы мысли находятся в чувственно постигаемых формах»¹⁶. В другом месте Аристотель говорит: «Подобно тому, как чувственная способность относится к чувственным качествам, так и ум относится к предметам мысли»¹⁷. Стремление вывести умственную деятельность из чувственной, соотнести первую с последней сталкивается с невозможностью ее формально-логического определения и объяснения. Поэтому мыслитель приходит к утверждению разрыва между чувственным познанием, объектом которого являются единичные чувственно воспринимаемые предметы, и познанием всеобщностей, которые есть предмет науки. «И поскольку ум мыслит обо всем, ему необходимо быть ни с чем не смешанным»¹⁸, — делает вывод философ.

Имматериальная мыслительная деятельность отличается от других частей души, т. е. от других органических функций тела, подобно тому, как «вечное отличается от тленного»; она есть «вместилище форм», которому «немыслимо быть связанным с телом»¹⁹. Уверенность в тождественности нашего мышления его предмету²⁰ соединяется у Аристотеля с утверждением особой объектной сферы интеллекта: общих понятий, существующих, однако, в самих вещах²¹. Т. е., с одной стороны, ум находится в состоянии возможности по отношению к предметам мысли: «то, что мы называем в душе умом, до мышления не может быть ничем в действительности» — и вместе с тем формы вещей уже существуют в разуме изначально, но «не в их действительной наличности, а потенциально»²².

Применяя к характеристике процесса мышления понятия возможности и действительности, древнегреческий философ решает в единстве и проблему содержания мышления и проблему мыслительной деятельности. По Аристотелю, разум, воспринимая формы умопостигаемых видов, должен быть одновременно и активным носителем познания. Поэтому различается разум в возможности, тот, «который становится всем» (в такой форме Аристотель представляет рецептивную сторону

¹⁶ Аристотель. О душе, кн. 3, гл. 8, 432а.

¹⁷ Там же, кн. 3, гл. 4, 429а и далее.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, кн. 3, гл. 4, 429а, 25.

²⁰ «Умозрительное знание и соответствующий умопостигаемый предмет — то же самое». — Там же, кн. 3, гл. 4, 430а.

²¹ «За пределами взаимодействия одушевленного тела с внешним миром ум обретал собственные надприродные объекты — вечные категории и истины, постигаемые в деятельном состоянии». — М. Г. Ярошевский. Указ. соч., стр. 117.

²² Аристотель. О душе, кн. 3, гл. 4, 429а, 25 и далее.